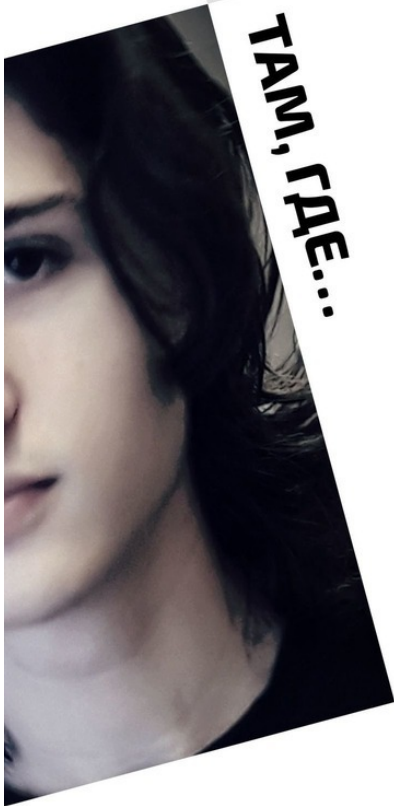

Элена Греко

ТАМ, ГДЕ...

Элена Греко

Там, где...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422712

ISBN 9785005187598

Аннотация

Героиня, точнее, ГЕО-роиня (по имени ее возлюбленного) путешествует по мирам, совершенно этого не желая, мечтая об одном: вернуться в свой родной мир и встретиться, наконец, со своим основным возлюбленным Гео. В путешествиях ее ждет много любви, открытий и всяких дуростей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

I	6
Я здесь навсегда	6
Как получится	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Там, где...

Элена Греко

© Элена Греко, 2020

ISBN 978-5-0051-8759-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перечисление миров, в которые попала героиня:

1. УМ – умный мир, или мир будущего, в котором все хорошо, процветает полиамория и университетские свободные занятия, где люди сами решают, когда умереть, исключая экстренные случаи типа болезней или глубокой старости.
2. ИМ – интеллектуальный мир, с кринолинами и канделябрами, стихами и научными изысканиями, арт-объектами и прочим красивейшим и разумнейшим наполнением.
3. МЭС – мир эротики и секса, его можно было бы назвать СМ, садо-мазо, если бы не контроль и управление процессом женщинами.
4. ММ – музыкальный мир, где люди не говорят, а звучат.
5. АМ – мир агрессии, там долго не пробудешь, вот и мы не смогли.
6. ХМ – хороший-хороший мир, там много неги, приятности, теплоты и красоты.

7. ОМ – наш обычный мир, просто обычный такой... мир.

I

Я здесь навсегда

– Аааа, ааааааа! О, ух... Ффффуууух... аааааа...

– Уа, уа, уааааа, ля, ля, кх-кх, уаааа!!!

Неужели-то уже? Уже ль?!

Ой, не могуууу... Но... Смогла же?

Такая гордость обуяла меня!

Такая усталая гордость.

В таких адских условиях...

Почему, кстати? Почему? Чего ради я стала рожать сама, как в средневековье?

Ладно, это мне еще предстоит выяснить. Отчего ж я стала – или меня стали – непонятно вовсе. Почему разговаривают как-то не так, как... как в средневековье! Белые халаты эти. Крики. Мази, пеленки, кремы, какие-то штуки футуристические – ой, наоборот, это как назвать? Средневековые тока. Средневековые!

Попала я в средневековье, попала – и родила тут. После того, что случилось в Галерее это – самое странное или... страшное. Или и то, и то. В общем, я поговорю потом... Кстати, что это за штука, не могу понять! Огромная какая-то, еле держу... Но диктофон в ней есть, и слава те-

бе боже. Наговорюсь хоть, напишусь всласть. Все расскажу, но не сейчас, а то тетка смотрит, ухмыляется. Чего ухмыляешься? – поди ж ты, обиделась, ушла. Перестала лягушонка моего обтирать, бросила мне на грудь. Ишь, присосался. Пойду, покормлю. Это приятно! Хоть не так болит внизу...

Чмок-чмок. Все сосет, лягушонок мой милый. Как я его назову? Мы с Гео придумали, что будет Сержик. Пусть и будет. Где-то теперь Гео, светлый мой? Ах... Последнее, что помню – напалм по узкому коридору, он впихивает меня, упихивает с этим животом в клеточку-комнатенку, сам остается там. Я не знаю, сжался ли он. Хочется думать, что нет: он же работал в противонапалмовом комитете, как раз и оборудовал такие клетушки в стене, и должен был быть пропитан противонапалмовой жидкостью с ног до головы... Но... он говорил, что ленится, что ему не хочется все время «предохраняться», чему быть, того не миновать – и все такое... Надеюсь, что Гео жив! Хотя, что мне-то до его жизни где-то там, раз я – здесь, в тупорылом средневековье, где даже когда мочизбургер попросила – zenки вылупили на меня, как на сумасшедшую! Пришлось тащиться в туалет и душ самой. Туда же спустя минуту зарулила девушка в белом халате. Не обращая внимания на огромный пельмень, комок плоти, истекающий кровью, в который я превратилась после родов, она... красила глаза перед зеркалом! Жуть – вот в этом: я – комок, она – тельце. Ухоженное, с глазами и ресницами.

И без мочизбургера.

Черт, у меня ж были в сумочке, только когда я ее обратно получаю – непонятно! Маман приходила, тоже с зенками.

Она-то может!

У нее глаза круглеют вместе с лицом.

Да она вся круглеет.

И тишает.

И говорит тихо, вкрадчиво, причмокивая всякими согласными, так неприяаааатно!

И называет как-то по-идиотски. Мол, Иулечка, детка, все пройдет, это стресс у тебя, выпей водички.

Иулечка!

Я ее спросила, мы что, мол, в улье живем, раз я Иулечка? В этом мире все возможно. В улье! – засмеялась маман, говорит, пчелка ты моя ненаглядная!

Пчелы есть, кстати, пчелы еще есть. И муха тут живая, настоящая ходила прям по окну, я увидела – офигела! Не, сначала услышала: «Ззззз!» – сквозь чмок-чмок. Долго следила с отвисшей челюстью. Маман пришла, говорю: «Эт чо такое?!» Она ее полотенцем выгнала, удивилась, что я удивилась.

Удивляется по полной тут.

Говорю же – средневековье, бл...

Привыкнуть сложно. Врачи орут ходят, каламбурят, медсестры тихо втирают, что и как надо подмывать-подкладывать – видимо, на них тоже орут врачи. Не каламбурят. Мо-

жет, трахают кого. Вот тут один ходит, такие сальные шуточки отпускает, аж лежа поскальзываюсь. Наверняка в каптерке пялит сестричек. А чо...

Ой, я и думать боюсь об этом со своим разорванным входом и нутром, пружинно подскакивающим при каждом со-се Сержика. Девки в соседних палатах стонут, что мужики – козлы. Ну, нет, не все, конечно, думаю. И не везде. У нас вот облегчили роды до предела, все тип-топ. А их жалко. Дура я, собиралась рожать «как в деревне»: мы ведь с Гео жили у тамошних хиппарей, они там как раз как в средневековье, только что птички не поют – маг настроили, врубают и птичек! Жарят-варят сами, закупаться тока не любят тож, пробовали, но слишком сложно оказалось – и теперь им все привозят. И рожают одни. С акушерками, доулами-шмоулами всякими, но – сами, без анестезии, без эпидуралки, без всего. Мол, так природа создала. Да природа и срать создала под кустом, и чо? Прав был Гео, что отговаривал. Все пельменные прелести вкусила.

Родила, как в деревне.

Напросилась!

Обед принесли.

Приятного аппетита.

* * *

Всякий раз, когда кто-то заходит, приходится вырубаться. Я делаю вид, что разговариваю по телефону, сама вклю-

чаю диктофон, чтобы писать свой дневник. Ой, прикинь, Яль (это я себе, будущей, наговариваю, ок?), маман-то денег дала им, этим эскулапам! Точно дала. Я ж видела, шаркая в идиотских больничных тапках, за которые мне плешь проели (свои не взяла, рубаху тоже, дескать, что за мать, из тебя получится, если за собой не научилась ухаживать!).

Видела, что там лежат по пять или семь рож.

Тел.

Пельменей.

А я одна, как перст. Ну, еще вот капельница допотопная тож перстом возвышается. И Сержик-перстенечек в кювезике лежит – чмокает, укает. А так – одна. У меня даже туалет есть здесь. Кароч, как у нас в соте. Мож, стены обшарпанные малость, но так похоже на соту! Только что микровейва нет, но это дело поправимое было бы, коль захотелось бы. И мочизбургеров ох как не хватает... Я уж маман просила, просила, она все отнекивается. Говорит, домой приеду и все ей покажу, расскажу, что у меня за новинки – ей самой интересно.

Новинки?! Лады.

Мне ж здесь жить.

Я здесь навсегда.

«Я здесь навсегда», – говорю я себе, глядя в окно.

Птички, вижу, прыгают. Весна, проталины и все такое. Деревня как будто.

Соты.

Но это прикольно!

После такой боли, какую я испытала, все прикольно!

Только по Гео скучаю. И еще... остальным. Пауль под напалмом там был, а вдруг он тож здесь?! Надеюсь... И Карен, моя лапочка!

А дневник начала вести для того, чтобы не забыть, чтобы рассказать будущей себе, какую жизнь я вела в прошлом. Смешно – в прошлом! В моем прошлом я жила в мире, который вот точно наступил после этого средневековья вонючего. Прямо вот очнулась после всей этой пытки – и затребовала телеф. Мне и выдали допотопщину. Но спасибо и на этом! Прикинь, прикииинь, Ялька, здесь даже текст не пишется. Точнее, пишется чо-то, но перевирается страшно, один мат выходит.

Кстаааати! Матом здесь не принято!

Я ох...

То есть о... фигела? Очень удивилась, кароч. Средневековье, бл... Придется привыкать без матерного дискурса, который реабилитирован уже давным-давно – у нас-то. Как и разговорная речь на письме. Я ж разговариваю, а он пишет.

Или должен...

Ну, разберусь как-нибудь. Не все же сразу! Пеленки, сиськи, блямбу из морозилки на живот класть, интернет смотреть – много дел. Я напишу. Напишу. Сержик должен знать своего папу. «Любимогооооо!» – самого любимого из моих любимых. А еще здесь и полиамория – нонсенс, я читала.

Начиталась инета здешнего, мрак и жесьть. А я совсем-совсем не историк, ни по образованию, ни по сознанию... Даже жаль меня. Буду фильмы смотреть, про войну, которые не сохранились у нас. Поплакать я люблю!

* * *

Кароч, я – Я. Ну, зовут меня так: Ялька, или Яэль, как на обетованной всех «явреев» зовут. Хотя я не там живу, но паспорт-то тамошний, даркон называется: дерех – дорога, а даркон – это такая книжица, с которой в любую дорогу можно. Или не книжица, виртуально тоже можно, по морде лица проверят, но я люблю с книжицей. Маман как увидела, ох.. удивилась очень, в общем.

Бл., надо синонимами подзаняться.

Черт.

Йоптыть.

Ой! – хотя завуалированный мат типа «блинов» и «ёпрстов» на ура идет. Тем не менее, матушка мне сказала, что звучу по-деревенски. А пох, ответила я ей тогда. Пох, пох! Болело все страшно – я и материлась, а она внимания не обращала. Только потом полунамеками сообщила, что я как-то исправиться должна, если в обществе собираюсь жить. Спросила ее, а где я раньше жила. Хрюкнула. Ладно, узнаю!

И вот.

Зовусь я Яэлька, Елька, но никак не Юлька – кстати, маман мне записон накатала, я увидела эту букву «Ю» и мне

стало очень, очень весело, потому что раньше показалось «Иулька». Мне девятнадцать – и там было столько, и тут, как в карте, мной ненадолго с медицинского поста экспроприированной, записано.

У меня карие глаза – небольшие, но считается, что выразительные, Гео их вишнями называл! – карие же волосы, шотенистые, были черные в детстве, но со временем выгорели. Они выются немного. Когда жарко, или когда дождик моросит, очень выются. И тогда я прехорошенькая, сама бы себя съела. Растанцовываюсь в эти моменты, искрю... Светодиоды сиреневый меняют на оранжевый. Я их даже снимаю иногда – так мне нравится сиреневый, и терпеть не могу отдавать этой рыжиной. Не значит ли это, что я больше печальная и творческая, чем радостная, что люблю больше дождливое настроение? Кстати, когда дождь, а я – кудрявая, все равно сиреневая. Сирень! – мой любимый запах, а в дожде-то она ох как благоухает.

Я ужасно искрю, когда радуюсь, просто вся! Как это объяснить? Кто-то говорит, что я двигаюсь по-особенному, кто-то – про вот эти искры в глазах и улыбку. И светодиоды мигают радужно.

Роста я небольшого, всего-то метр шестьдесят еле наберется, если без моих любимых говнодавов: я люблю танкетки, каблучищи, платформы. Так мне лучше дотягиваться до своих высоченных парней – а они все, как на подбор, не ниже ста восьмидесяти...

Телосложение у меня... хм, сейчас разложилось малость. А так было небольшое – не знаю, как по-другому сказать! Небольшое все, только бедра величественные, поэтому и собирались рожать в деревне, раз детородная функция моя такая мощная. Ноги стройные, ляжки я бы тоже подкачала – но я всегда недовольна своей внешностью, всегда была – пока не пошла прорабатываться у психолога.

И в свои девятнадцать лет я собиралась рожать.

Потому что дети – это мое, это всегда мое, даже когда чужое. В сотах я насмотрелась, навидалась, нанаблюдалась, когда на детоведа училась. Господи боже, чего я только не сотворяла с ними: квесты, игры, танцы, театры... А сколько всего игр было! Настолки, напольки, настенки, воображалки... Смех, визги, глазенки и ротки – круглешные от восторга и удивления: когда все в новинку, круто! Мне было очень приятно, охрененно – вот, так можно! – нравилось. И когда плакали, нравилось. Разруливала, утешала, помогала, угощала, задаривала.

И вот.

Как только получила права на деторождение, сразу и начала. Гео, грю, давай. Он и не стал отказываться. Обернулся на Карни, взглядом на нее насупился весело – она так тож весело поерзала и кивнула, давай ее, мол.

Брюхать.

У нас, по-моему, марафон был трехдневный, и как раз в деревне. Она, Каринка, с деревенским забацала даже. Он

такой паренек был красивенненький, я прям очумела почти совсем, но чо – Георг-Георг, победоносец нашинский, перевесил. Да и неловко было бы за ним ударять.

Он такооооой... мmmm... Сергей Есенин, одним словом. Копна сена на голове, а как греб! Как нырял! Красота! Эта игра мускулов на солнце нас и пленила. Мы смотрели с берега, хихикали, я Каринку к нему и подталкивала. Она недолго упиралась!

Играл он на всяких духовых, они с Гео забабахивали зачотно: Гео на своей «перкуссии-плюс» (все время добавлял к бонгам и джамбэ всяких палок, как сам их называл, экспериментировал с лесным материалом, так сказать), Серж волынку тащил или флейточку какую-нибудь панскую свою, притоптывал рядом. Я иногда гитаряла с ними, но не часто: я не спец, только песни могу, с аккордами-переборами, это для них не уровень. Но присоединялись к нам с Каринкой – мы петь любили на два голоса под гитару – отменно.

И вот он скакал фавном, на дуде своей играл, меня по заду охаживал, аки сатир.

Эх, не могу сейчас, все гудит, внутренности переворачиваются, бл...!

Я, кста, поняла, что они матерятся между собой, и мне, поди, можно – только не с маман и не с врачами. Аккуратно выбирать, с кем так, с кем эдак разговаривать. Вот те на, развлекались же люди ране!

И вот.

А как стихи он читал! Эге-гей и ого-гой прям. Такие прям... Маяковские стихи-то. Я тут девкам зачала из «Облака в штанах» и «Вместо письма» – тоже прослезилась. Одна мне музыку Сплина пыталась втюхать, а я ж ее знаю и так. Старье это плагиатное. Отказалась аккуратно, с улыбочкой. Вот бы ей наши записи послушать... Вот доберусь до своей сумки!..

Как звали его?.. А, ну, да: Сергей. Да, Сержик? Всех хорошеньких светловолосиков Сергеями зовут, гай! Соси, соси, не отвлекайся, хмыка моя родненькая. Хмыка-пыка. Соська-моська. Как мне нравится сюсюкать с тобой, песенки петь, головку твою гладить и попку.

Так вот.

Мой Гео – очень чистоплотный мужчинка, такой прям, любит за своим телом ухаживать, увлажнять да промакивать, пшикать на него да размазывать. Я ему в этом помогаю... Ла.

Помога-ла.

Теперь все это в прошлом, саднит, болит, колет и режет, ну да что ж... Я жива, и то хлеб. И Сержик со мной. И маман. А дальше увидим! Мне главное, из этого вертепа выписаться на волю, а там посмотрим.

Итак, мы жили в деревне все лето. Мы с Гео и Каринкой, еще Пауль приезжал иногда. Смешивать не стоит – Гео уезжал, и тока тогда прикатывал Пауль, иначе мне неловко. И они это понимали. И ребеночка я от своего скульптурного чистюли все-таки решила родить. Пауль на роль папа-

ши не годился – мал еще, только семнадцать. Это, конечно, не статья, но с отцовством пусть уж погодит. Придет и его время.

В его возрасте он казался очень даже мужественным. Поэтому, наверное, я и запала на него, хотя непонятно, почему именно: скорее всего, флюиды. Он светился тоже чем-то темным, и это так привлекало...

Почему я говорю так, как будто его уже нет?

Здесь – нет.

Но где-то же он есть!

В общем, Пауль – чудесный! У него такое тело литое, мускулистое, как у всякого спортсмена – а он катает, то на лыжах, то на велике, спуски всякие скоростные и прочая требуха, ему нравится! А мне-то и хорошо: кубики всякие, мышцы, все перетрогать, перегладить, пересмотреть. Такой сильный, красивый! – темный, одним словом. Челка на глаза свисала, губы сильные, теплые, глаза – строгие. Все при нем, в общем. Все, что хотелось мне.

Жили в домике, ходили на речку и в стога, там были еще люди. Конечно, мы с ними общались, кормились в одной семье, с детьми у меня сложились отличные отношения – плескались в речке, играли, я им рассказывала всякое... Да, мамой я буду неплохой, как пить дать, да, Сергулечка? Славный мой мальчоночка. Спасибо, что родился в таких экстремальных, можно сказать, условиях.

Спасибо, дружок!

И вот мы там любили друг друга напропалую – когда детей спать уводили, да и днем в тихий час, и позже, когда детей не было, хотя это было не всегда, но все же... Там и зачалось у нас с Гео. Он мылся, как положено, в летнем душе, умаслялся всяким. Он всегда, всегда был приятным парнем, и Каринка его обожала, а обо мне уж и говорить нечего. Утром он к Каринке под бочок ложился, а я его гладила по спине, ему очень нравилось, иногда заказывал со спреем, с кремом. Он быстро обгорал, потому что светлый. Вот Паулю хоть бы что было солнце, он сам – смугляк. Каринка на Пауля не велась. Она вообще как-то раз мне призналась за чарочкой, что подозревает в себе однолюбство. Жесть, как я испугалась тогда! Думаю, а ну как моего Гео себе заберет? Но она пояснила, что, мол, похоже, не встретился еще тот самый, который ее уж так отделаёт, что будет ей счастье с ним на веки. И, смотря на них с Сережкой, я задавала себе вопрос, не он ли это. Но, видимо, нет: Карни смеется, как раньше. Знаю я этот оттенок грусти, когда любишь – грустишь, и не потому даже, что боишься потерять, а просто... Как-то тепло и печально внутри. Может я, как поэт, драматизирую, и у других не так, но она сама на меня махала, когда я ее спрашивала про Сергея. Говорила, что клевый! Этого явно было недостаточно для вселенской этой однолюбственности.

Мне Гео очень нравился.

И тем, что у него ствол был приятный, и мышцатостью, и ухмылкой, и тем, что умен очень.

Очень умен!

Как начинал говорить, я сразу расплывалась.

Ну, есть у меня такой бзик: я люблю умных, люблю сама говорить, выступать, и от всякого такого могу раздухариться нежданно и незаметно для самой себя.

Аааа... о, нет, опять крутит.

Пойду, лед возьму.

Гео, значит. Гео – это все для меня, как Гея, только мужчина. Мужская моя Гея, Гео!

Он такой славный, теплый, веселый! У него и глаза, и все тело – веселые: руками теребит волосы, нос, разводит ими, почесывается, подтанцовывает и подпрыгивает порой – однажды себя сам по заду хлопнул шутливо, уходя в дом – мы с Каринкой и побежали за ним со смехом, повалили... А как он бежит! Он часто бегаёт: заботливый очень. Увидит ребенка у воды, или мне водички принести, когда закашляюсь, или еще за какой-то надобностью – бежит. Легко! Как мальчик. Развивается у него все. И волосы, и рубашка, и штаны легкие. Все такое легкое-легкое, и – волна. О ней сейчас попытаюсь рассказать.

Его глаза – это отдельная песня. Песня моего возлюбленного. Эта морская волна, которая льется из его глаз, когда он улыбается, когда смеется, когда просто смотрит на меня... Обливает! Нет, он – не «сплошные глаза», как сказал психолог, когда выясняли, поли- ли я аморная или нет. Говорил, что вряд ли я его люблю, раз про глаза так много.

А я люблю его, нашего папу!

Георгиевичем запишу Сержа.

Георгиевичем Победоносцевым.

Ну, это я шучу, конечно.

Сквозь грусть шучу: мне его не хватает.

Надо с ним – с тобой – разговаривать, пусть так и будет, я буду представлять, что ты где-то рядом. А ты и есть рядом, радость моя, только вот я не знаю, где. Буду надеяться, что ты меня как-нибудь когда-нибудь найдешь. Ну ведь не можем же мы не встретиться! Я прям жутко злюсь, когда думаю об этом. Как это – не встретиться?

Мы УЖЕ встретились.

С моим ясным, родным, светлым мальчиком Гео, Гиорой моей ненаглядной. У меня точно нет сомнений в том, что люблю тебя. Пусть там Каринка тебя пользуется, пусть – пока меня нет.

Я ей тебя доверяю.

Не плачь, главное.

Я однажды видела, как ты плакал, когда твою маму забрал слон.

Это было невыносимо.

Это важно!

Я не знаю, я ничего не знаю...

Со мной разговаривал психиатр здешний. Он пытался выяснить, что это за мочизбургеры, я ответила, что у мамки в моей сумке валяется парочка, покажу при выписке. Еще спрашивал,

кому я звоню все время, почему плачу. А я не плачу! Слезы сами льются, когда вспоминаю о Гео, Пауле, Карни – даже о трясогузке Сергее. Светлые такие слезы, слезы памяти, можно сказать. Откуда я взяла слово «трясогузка», спросишь ты, Ялька-из-будущего, если нет у нас птичек и зверюшек, даже пчелок? А вот я начитанная, понятно? Я ж училась много очень. В универе даже. Интересно, есть у вас универ? Надо будет много чего узнать еще. Инет в помощь, слава аллаху. Кстати, вот эти славы – Богу, Аллаху – сохранились как идиомы. Кто же будет всерьез верить в божков? То же самое, что Зевсу какому-нить поклоняться. Или Эли-Адо-наю какому-нить. Говорят, были какие-то секты – и скрепы, скрепы! – Иегова его звали.

Его! – охренеть, как страшно.

Кальвинизмом отдает.

Я ж знаю, знаааю все про это, я – начитанная. Даром, что аудио – скажем так: наслушанная. В раньшие времена...

Ох. Раньшие.

Или позжие.

Мне не дано узнать, это ж все в моей голове путается, может, в лайфлайне перекрутила... А ведь верно, могла.

Могла запросто!

В сердцах.

Говорили же не подходить к ней на эмоциях, а я... Беременных вообще надо бы изолировать от общества, отвечаю!

Так вот, я напряглась конечно, вспомнив о лайле, своей

лайф лайне, но буду продолжать. О ней подумаю завтра, как Скарлетт. Да-да, я и о ней знаю. Считается, что все девки в раньшие времена в нее играли, а я – теперь. Вообще, романы это непреходящие ценности, и «Поющие в терновнике», и «Унесенные ветром», а «Над пропастью во ржи» и «Повелителем мух» зачитывались в универе, заслушивались, рыдали все без искл. Какие же мы... сентиментальные, похоже! Здесь люди какие-то... То ли бесчувственные, то ли глубоко скрывающие свои эмоции. Мы и поплакать, и попрыгать, и наораться вдоволь, и ржать, как кони – а они хранят какие-то тайны, так их, какие-то секретные дела у них тут, наверное. Может, это их поднимает в собственных и чужих глазах: скрытность. Мол, я много значу, если много скрываю. Я така значима единица!

Пиз... ц величественные.

Просто пиз... ц – а как по-другому сказать?

Пипцы всякие и песцы здесь в ходу, я уж слышала.

Неприятненькие такие.

Скрытные!

Хочется прям говорить сильно, хочется словарь составить, а то забывается – колют мне что-то, табсы дают, я перестаю помнить. Только когда за телеф хватаюсь, потихоньку вспоминаю, да не отобрали бы и его...

Пиз... ц! – это то, что наступает, или то, что ты видишь, конец света такой.

Ох..ть, оп..денеть – это когда вообще не до чего, сплошной

секс в мире творится.

Ох... льно – соответственно, то, отчего ох... ваешь.

Х... – х... там, х... на, на х... и проч – мужское, конечно, но мы ж, бабешки, перенимаем легко, нам нравится нравиться! О стволе все и его возможностях. Возможности у ствола-х... прекрасные, они открываются лет в пятнадцать-шестнадцать – и до самой смерти. А до этого времени мы познаем этот вот х..., тоже понимаем, что он и есть великий боже, Адонай и Зевс в одном, удовольствие там, и детишки, и вообще...

Я стала стесняться!!!

«И вообще»!

Жуть.

Жесть.

П... дец.

Б... дь – присказка. Я понимаю, все понимают, что это когда-то была легкая женщина. Мы сейчас все легкие, все – полиаморные, за искл Карен (смайл, смайл, здесь смайл был бы, если бы она читала. «Каринка, где ты?» – вот опять слезки, и чо?) И, йоптыть, жгут же по-бл... ски.

Йоптыть, еб... ть, еб... тый, ебн... тый, зае... сь, долбо... – понятно, что про секс. Тот не так сделал – он замучил сексом своим, этот – напротив, круто прижал, и так далее.

Вот такой мой словарь. Может, еще чего вспомню. Главное, чтобы телеф не отняли. А то они могут, скрытные эти.

Сержик.

О нем чот ни слова.

А он тож ни слова: чмокает, спит, пукает, какает...

Писает. Вот бы ему мочизбургер – хотя я знаю, что детям не дают, но... памперсы! О. Это тема. Маман привезла памперсы. Понемножечку пользуюсь, потому как мне его мыть оч приятно, меня научили: держишь лягушонка под плечики, попку под кран засовываешь, он такоооой мииииилый получается!

Вот нет у них ни дозиметров, ни телометров. Приходится то температуру мерить, то какой-то уровень чего-то мерить, прищепки, капельки – дурости всякие. Табсы без блистеров прям на блюде приносят – поди, разберись, от чего. Хотя я, похоже, догадалась, что на коробке бы голова отмечена была. У нас всегда отмечена, Яль. Тело нарисовано на упаковке, на нем точка: от чего табсы. Я видела у маман, когда она голову свою лечила от мигрени, упаковку табсов с точкой на голове. На картинке. Но это бред, конечно. Там точка эта – бомба размазанная, непонятно, какую область цепляет. Вот она глушит безо всякой пользы, то одни, то другие – лишь бы хоть что-то помогло.

Я уже много так сижу, ибо суббота. Шаббат, хевры. Никто не присутствует, никто не лезет, не лает. Наверное, ушли в отпуск. Тоже шабат – или просто вых. Скоро обед. Ура! Проголодалась я. Маман приносит йогурты, но на них не поднимаешься особо. Только Сержу норм с молоком, и то хлеб.

Пойду я.

Чао!

* * *

Ох, неплохо поела! И девок послушала из соседних палат. Хохочут почему зря, обсуждают сиськи, письки, глазки, попки... То есть свое и детское.

И еще ждут передачек – и мужиков своих в гости.

Хихикают.

Конечно, если столько скрывать! Только хихики и лезут из тебя по капле с правдой. Здесь, в роддоме, наверное, еще круто. А на воле... представляю эти морды. Маман прям приходит в ней. Потом расслабляется, но приходит – в морде.

В маске.

Тому даст на лапу, этой, пошушукается с кем-то, закроет дверь – тогда и расслабляется. И то ненадолго. Как только речь зайдет о «подвигах», как она называет мою беспутную девичью жизнь, сразу темнеет лицом, хмурится. А что там было-то, спрашивается? Она брезгливо говорила о том, что я пила табсы, поила, курила, сношалась, с кем ни попадя. Ну, норм человеческая жизнь-то. А ей – фу прям. Говорит про какое-то там «изнасилование». Меня ни тут, ни там никто никогда не насиловал! Я сама кого хочешь от... бу! Но она знай, свое, дескать, тебя изнасиловали, избили, нашли на скамейке в парке без сознания тем летом, и ты ре-

шила рожать. Что может быть глупее, как тебя отговаривали, но ты все одно. Хорошо хоть, парень какой замечательный получился, а то что могло выйти после употребления всех этих наркотиков, страшно подумать!

Идише-мамэ.

Кипешит и кипешит.

Хлопает руками-крыльями.

Там она такая же была.

Но полегче было: она собой занималась все-таки, и это целит.

А я – собой.

И она сквозь пальцы смотрела.

Кормила до отвала то Каринку с Гео, то Пауля – того, правда, недолюбливала, но слов не говорила, и то хлеб.

Я ее пыталась выпросить про свое – а мало ли! Не, не понимает, о чем речь. Называю имена – она: «не знаю этих ублюдков и знать не хочу!» Ментами грозит. Менты – это вроде как полиция. Здесь еще есть такое.

А, вчера!!! Такой здесь есть медбратик, Сергея напоминает. Гузку, конечно, я не видела – все в халате расхаживает, бумажки пишет, да и не медбрат, скорее, а студент. Так вот, пришел на осмотр-опрос (он не осматривает, точнее сказать, спрашивает и записывает, себе в графы чот проставляет там), а я ему – сходу: знаешь, ты так похож на одного парня, можно, я тебя обнимать буду каждый раз при встрече? Хмыкнул: а мы что, на ты перешли? А у нас все на ты. Я

не знала, что надо на вы.

Так и сказала.

Он говорит, не положено врачам с пациентами, вот при выписке, так и быть, обнимемся. Хохочет тож, пошел медсестрам шептать. Конечно, стыдно! Если не взаправду – все стыдно. Понимаю. Бедняжечка мой, зовут его как-то вроде «Петр Вадимович», ваще не Сергей. Да ладно. В понедельник обещали выписать, вот и обнимемся. И то хлеб.

Чот я много о хлебе. Лежит тут, сероватый такой, а я черно-черный люблю, такой, темно-темно-коричневый дочерна. Мне Карни таскала от маман, та пекла – вкуснотень ох...нская!

Все больше вспоминаю, хорошо как...

Суббота!

За выхи много вспомню, поди.

А в понедельник – домой, интересно, какой он – дом? Мой ли... Непонятно! Ладно, хоть, маман.

Это важно!

Как мы говорили детям: «это важно!» Были фразы, которые мы прям заучивали, чтоб потом работать с детьми в со-тах. Сами-то мы гнездовались... но ты не поймешь, если не расскажу.

Кароч, у нас в мире нет животных. Ну, как нет – домашние-то есть, те, за которыми люди сами ухаживать научились, а дичь взяла и вымерла как-то с годами. Причем мы годы не считаем, поэтому непонятно, когда вымерла. Не при

мне-то уж точно. Поэтому я и ох... ла от мухи здешней. Выглянула на улицу – птички!!! Утром как проснулась – поют, щебечут, что в нашем маге, но – вживую, наяву! Оп... неть прям.

А мы назвали в честь умерших животных всякое, например – дома: есть гнезда, есть соты, есть берлоги загородные, норы еще. Вот обычно мы живем в гнездах, то есть, по-вашему – в квартирах. Соты – это что-то типа общаг, такие страшные коммуналки для бедноты. Беднотой у нас становятся не те, кто не может денег заработать (и нет денег у нас, тока жетоны если, и то это у детишек, у взрослых – больше виртуальные), а просто... выбирают. Выбор такой: жить в общеаге, понимаешь? Есть более общественные люди, есть – менее. Я так вообще индивидуалист. Интро, по-вашему. Хотя не, я – типичный экстра, но почему-то мне нравится жить одной. Не знаю, что со мной не так. Все так, наверное, просто это – я. Ялька, Элька, Яэлька, Ялик, Элли – как хошь называй, тока не Юлькой, плиз. Хотя и ей можешь. Я привыкну, наверное.

Привыкну.

Я – адаптивная! Про меня так говорили психологи еще в универе: в соту меня посади, в берлогу – всезде оклемаюсь. Везде мне интересно и забавно, а играть я люблю! Очень. Я играю в жизнь. Вот и доигралась... Но мой Сержик со мной, и это – важно.

Это важно!

Пойду, пописаю; где, бл...ть, мои мочизбургеры?! – хотя ходить, говорят, полезно после этой пытки.

* * *

Повстречалась с Вадимычем, сделала выпад, руки раскрыв, как будто обнимать лезу – он дернулся в стену, головой покачал – посмеялись. Хорошо! Очень хорошо смеется.

И мне приятно.

Таает что-то внутри.

Вот так, и я жила в гнезде, Пауль – в берлоге с родственниками многочисленными, за городом, а наши подопечные все чаще в норах да сотах ютились. Им хорошо ютиться! – чем кучнее, тем теплее. Им нравится и нежиться, и ругаться, и пихать друг друга. Я не смогла бы так, хотя пару раз оставалась ночевать в сотах, но – не смогла бы жить так. Когда оставалась, обязательно папашка какой-нибудь приникал к моему светлому образу, возлежащему с дитенком, после слез сморенным, на одном матрасике. Канючил, что твой младенец – а мужики, говорят – и здесь тож так говорят, слышала! – тока вверх растут, мозги у них детишечные остаются. Жена ругала его, что они не по этому делу, не полиаморные. Мне извиняться приходилось, надевать футболку, которую мне женщина бросала. Я ж понимаю, они – другие.

Это важно!

* * *

Интересно то, что я его узнала. Как только увидела, как идет по коридору, накинув халат, переговаривается с Вадимычем, головой кивает — узнала. — Даров, Олег! — Ой, кто тут у нааас? — аккуратненько так потянулся к кульку у меня на руках, козу строит, улыбается. — Дай обниму хоть! Поздравляю, пацан отличный! и сама неплохо выглядишь, тока бледнющая... Обхватил шею, притянул нас к себе — я и в слезы чот. Стою, сотрясаюсь, шмыгаю, сопли глотаю. Хороший такой, Олег-то! Имя, думаю, идиотское, языческое какое-то, про вещи-кущи чудится чо-то... Но сам Олег очень ласковый. Откуда-то помню.

— Ну, что ты, что ты, давай хоть... вот... салфетки. Или вот, лучше пеленку давай... — сунул прям в лицо, от неожиданности улыбнуло меня через плач, оба как стали ржать, чуть Сержа не разбудили! Села на кровать, показываю рядом — не, на стульчике умастился, из карманов предварительно выгреб все, а то уже попадала часть: ключи от машины, карточки какие-то, деньги. — Тебе нужны тут? — кивнул на купюры, увидев, что подсекаю. — На, сколько оставить? Держи-держи! Ладно, положу вот под вазу.

Вазу! — опять хмыкнул, опять смех разобрал — пакет из-под какой-то кисломолочки под вазу определили, цветы принесли, сунули еще до его прихода, предупредив, что скоро сам «кавалер» заявится. Помолчали. Смотрел на Сержика, на меня. Как я ему поправляю простыночку, одеялко клетчатое, чтоб не кололо. — Как ты вообще? — осведомился веж-

ливо. – Нормально. Рожать было больно очень. Сейчас отошла уже. Может, в понедельник домой отправят. – Домой, угу. Я хотел тебе предложить... Ну, мы ж с тобой не чужие люди. Парнишку как звать-то? СЕРЖ! Гордо... – вздохнул шумно, выдохнул и – как в воду – Сержа твоего давай усыновлю, будет Олегович. Хоть не девка! – разулыбался смущенно, да уж, «Оле-говна» пованивает как-то.

Я сама от неожиданности опять вскипела соплями и слезками, жмурюсь, думаю: а мне ж спать с ним! Но – папа! Ключи от машины вот – не бедствует, значит... И хороший такой!

Ва-банк пошла: – Олег, на фига мы тебе сдались-то? Маман берет к себе, комнату обставила, грит... Зачем? – Я с ней пообщался, – кивает, – она не против, сказала – за тобой слово. Мы ж сколько лет знакомы, Юль, можно сказать, друзья... или просто соседи? Тебе как? – смешался, запутался. – Друзья, конечно! Ты точно мой друг, раз я ничо не помню, а тебя вот... узнала. – Не помнишь?! Огооо... Мама твоя говорила, что ты от стресса немного не в себе... но как... расскажи, что с тобой, родная?! – примастился на полу, руку взял, другой – за плечи, ну, что, опять плакать?!

– Олег, не могу, пожалуйста... – говорю, потупившись. – Может, позже... сейчас не получится. Ты тока про себя и про... про нас с тобой немного расскажи, пожалуйста, если можешь. И все. Пожалста-пжалста! – глядя по волосам. Он аж жмурился от удовольствия. – Ммм, руки у тебя волшеб-

ные! – сжал плечо, – круууто, продолжай!

Некоторое время посидели так. Потом он встал, похлопал себя по карманам, посмотрел на стол, где валялась среди прочего зажигалка: – Я бросил, бросил на днях, как узнал, как подумал... Ты ж беременная ваще недоступная ходила, отбрыкивалась от меня, приду – в комнате запрешься и сидишь, надувшись... Маман извинялась, истории рассказывала страшные... Но я норм, я не парюсь, Юль! Ты не думай, – подошел к окну, смотрел на деревца весенние, каплющие, чтоб я не прознала о его страданиях.

Я прознала.

Но ему было важно скрывать.

И я промолчала. – Слыш, Юль, мы с детства ж в одном доме, в садик, блин, вместе ходили... – Письки трогали! Это помню. – Даааа? Вот оно чо! – обернулся весело. – А еще что помнишь? – Ну, в школе. Когда в разные классы попали, в коридоре, на лестнице всегда мне руку жал. Протянешь – а я почему-то думаю о том, что ты этой рукой в садике до меня дотрагивался... и – еле пересиливала себя, пожимала! Гордилась, что мальчик меня выделяет из толпы. – Сама не знаю, откуда всплывали картинки, но они всплывали, и я их выплескивала на него. – В лагере были вместе. Ты меня танцевать двенадцать раз звал, я считала.

– Ой, Юлечка в синем платье с белыми цветочками по подолу – прям чудо! Помню, да! – раз мечтался, походил, сел на стул прямо передо мной, улыбается. – Потом тебя...

потом ты... – Да, была авария, долго вылеживался. Дураки были, – потемнел. Вспомнил, видимо, чувиху, погибшую тогда на его моцике. Хоронили в белом – все перешептывались, что это его невеста была, а потом выяснилось, что так всех девушек незамужних хоронят. – А она... твоя была? – все-таки отважилась спросить. – Нет, девушка друга. Присилась очень порулить... Эх. Дурак, не смог отказать... – Да... – чуть не сказала «это важно», хотя здесь нужно другое: – Я с тобой. Эй, Олег, я здесь. Встряхнулся, собачонок. Ой, у него ж... – Ой, а у тебя ж песик был!

– Он и есть! – разулыбался, просветлел. – Йорик. Тирекс. – Кааак? – меня опять пробило на ха-ха. Оживился: – Мы с другом все думали, совещались, как эту мелочь наречь, и он предлагал всякие динозавровые кликухи, говорил: такой забавный чудик, надо как-то... гордо. И вот – придумали назвать, как тиранозавра рекса. Но Рекс не прижился, сократили до Тирека... – Как охх... клево!

– Да прям охх, это ты точно подметила! – Зарделся от удовольствия и продолжил на позитивчике: – Так что, я предлагаю тебе у меня пожить. Сколько хочешь, правда! У меня места много, кровать сам завтра перетащу, приеду встречать, чин-чинарем, а? Юляш! – Давай так, Олег: ты приезжай, но поеду я к маме. Сначала! – увидела, как скучился, и палец выставила. – Сначала – к маме. Потом – рекогносцировка. Ты ж видишь, если даже была у тебя, не вспомню, что там и как. – Мда, хотя слово «рекогносцировка» легко

вспомнила. Легкооо, – пожурил пальчиком, но видно было, что расслабился чуток. – Тогда я поехал. И послезавтра буду. Да? – Ага. И еще как мы... – ...Что? – затормозил у порога комнаты, не видела его уже, но тем лучше.

– На море. Помнишь? Как я тебе песенки пела неприличные. Про короткую серую юбку и пиратиков-пиратиков. Нам лет по четырнадцать уже было, по-моему... – Не помню, что за песенки, но краснела ты мило! – развеселился, чаокнул и хлопнул дверью. Сержик закрипел, разразился. Ну, вот и успокаиваю с тех пор, уж полчаса как. Разнервничался, поди, из-за отчима. Я так и решила сразу: пусть будет. С ключами-то. Но отчество будет от Гео.

Серж Георг Ольм. Гордо, да.

А как еще-то?!

Только так!

Как получится

Серж Георг Ольм пока кряхтит и тужится, а когда все наладится, он станет статным, как папа Гео, мальчишкой... Я, правда, Гео-то мальчишкой и не знала никогда. Ему сейчас чуть больше сорока – сорок два, кажется... Расцвет, кароч. Самый смак. Спрашивала его, зачем с девчонкой связался, руки раскрыл – у девчонки головешка-то ого-го, философская! Поп... деть обо всем...

Мы и п... дели. Об этом и о том. Под музыку Вивальди! – старая песня, знаю, даже здесь – старая, но ведь... как мем! И музыка была другой. Здесь, поди, и нет студий в подъездах... У нас прям на первом этаже – студия, какое гнездо запишется, те и приходят, музицируют. Инструментов, правда, пшик – только барабанная установка, тока кому она нужна, если машинка есть и комп... Но вот программа серьезная, и, главное, очень легкая, даже малыши бренчать прибежали с удовольствием! И слушать приходили. Вивальди, Стравинского, Прокофьева мы любили прое... ть – в прямом смысле: простыню и влажных полотенец принесешь – и вперед. Он любил симфонии, а я – хоралы всякие, сюиты, что постарше. Или, наоборот, Дженкинса. А финиширует – и мы с ним – вкл всякий джаз. Онанистический. И, если поперет – опять по Шостаковичу!

С животом стало чуть сложнее, но мне даже больше нра-

вилось: не надо париться о фигуре, выделяться, он есть и есть, живот этот, вывалился так сладко и стыдно... Когда стыдно – сладко! Откуда это у меня? – вот и пойму теперь, в этом мирке, только психологам нашим уже не расскажу – некуда!

И вот. Это я говорю, когда кто-то проходит по коридору. Ялька, Гео, понимаете... вас нет со мной, и такое одиночество чувствую с этими птичками, ведрами, тарелками, пузырями ледяными...

С маман его поменьше.

С Олегом...

Ладно, посмотрим.

Живот был выдающимся, и неизвестно, как уберется этот курдюк висячий теперь. Вроде, крутит – значит, внутренности подбираются. А как был наполненным, был он самой сладострастной частью тела. Гео наглаживал, сзади пристроившись, и сверху, и снизу, и весь-весь – ох, Сержик, будешь ты тоже весь в любви, похоже!

Разденусь – и уже прет меня, такой аутоэротизм просыпался, как никогда. Но что вспоминать! Хотя, почему нет. Я же решила все вспомнить. А забываю! Например, про школу. Универ. Практику в сотах. Это прямо надо фиксить. Но меня на любви к Гео клинит и клинит. Он ждал тебя, Серж. Ждал терпеливо. Знал ли о нападке? – да нет, даже они не знают в своем ПРОНПО, то есть противонапалмовом отделе, что, когда и сколько. Этим другой отдел заведует. Я

в это вообще ни разу не лезла – а зря, наверное... Понимала бы больше. Хотя мы с ним – лирик и физик, я только рот раскрываю, когда он говорит, и немею всякий раз от его рук и глаз раскрытых, и рта улыбочивого, а ему нравится мое музыканство и стихоплетство: смешно прибегает и брыкается на диван, услышав мои звуки-му, а точнее, звуки моей му. Слушает, руки скрестив. Оч смешной, когда задумчивый! Стихи плохо воспринимает, морщится. Говорит, слишком это. Для него, такого четенького, слишком много пены.

Ну и ладно!

Зато и Пауль преклонялся, и Алекс.

Преклоняторов я себе завела тож.

Мне без этого сложно, хоть с самооценностью и работала много, но семейная система отягощенная, вот здесь прям видно – наркота, насилие, черте чо.

* * *

Итак, школа.

Здесь все также, по-моему, как в старых программах «Ералаш» и советских фильмах. Ну, только что не в галстуках, не со значками, а так... Руку поднять, дневник с головой дома забыл, пятерки эти, двойки... Чухня. Чухня! А программы? – смотрела я в инете. Зачеееееем?! Ну, математика – понятно. Циферки. С циферками приятно манипулировать, всегда приятно, когда не за пятерки, но ведь тоже какой-то напряг с тренажем. Все какое-то очень разное, очень. Мне

самой непонятно. Я никогда не была в математике ассом, но манипуляции с циферками прям обожала! А тут быстро бы разочаровалась, от этих задач и примеров.

Теперь тебе скажу ради Сергея.

Ему точно не стоит учиться в вашей школе! Ни в коем случае! Давай расскажу, как у нас, и ты поймешь всю дурь вашего образовательного стандарта. У нас – так: кабинки с компами и наушниками, общая библиотека, игровая, спортзал, мастерская, творческая, кухня, швейный цех, лаборатория. Музыкальная студия, конечно – как и везде, но со спецом. На улице – теплицы, гряды аграрные, живность типа свинок и коровок с бычками. Кабинетики небольшие для психологов и информатиков, директорская, столовая, медицинская. Записываемся на занятия в начале недели: галочки ставим в индивидуальных списках. Психологи их обрабатывают. Есть рекомендации: матем, например, или библиотеку посетить. Есть список лекций на неделю, на них приглашают, но не настаивают. Бывает, на лекциях тридцать чел сидит, а бывает, пара студентов. Лингвистика, естествознание, анатомия, психология, история, медицина, космология – такие основные области лекций. То же, в принципе, и в университете – но там, конечно, больше профессиональной говорильни. По темам рыщешь в компе, вопросы штудируешь – и сам задаешь. Потом на семинаре или колоквиуме обсуждаете. Например, мне на своем детоведении оч хотелось больше про столпов прошлого: Макаренко, Нилла, Щетинина – но когда

углублялась, понимала, что там про детей – ноль минус один, одна эпоха. История!

Про нее тоже интересно было. Но о педагогике больше узнала от Корчака, Монтессори, Амонашвили, Дункан, Орфа. Без музыки б никуда никакая педагогика и не двинулась, наверное. Поэтому у нас столько музыки. И тишины. Музыка перемежается с тишью библиотек – так уж повелось, что все тишают на тихих коврах среди книг – и лекционными спорами. На лекциях столов нет, стулья с откидными подставками под тетрадь, если надо – а и у вас такие есть, знаю, – стоят вокруг или рядами, как препод решит или мы все. Стол выезжает, если надо какой-то общий проект сделать, а на полу по какой-то причине неудобно. На кнопку нажал – доска пола поднимаются, или столешница выезжает из стены. Но в стенах чаще кровати. Для греко-римских рассуждений.

Молодняк поначалу на кнопки жмет, весь первый курс проводит в исследованиях помещений. Возлежат штабелями! Преподы любят с первокурсниками работать: сами расслабляются.

Помню, с Алексом так замечательно было! Он бегал от кровати к кровати, садился рядом, артистичными своими руками махал, притуливался на каком-нибудь стульчике в углу – и говорил, говорил... Включал нас. Подбегал к стене, мелом своим допотопным рисовал убожеским почерком наши вирши – с ним казалось, что – вирши, – восторгался, восхвалял... Об оценках мы знаем только из курса истории пе-

дагогики. Это было еще до сплетения двух областей – педагогики и психологии. Вообще образование стало системным не так давно. Раньше все по предметикам: литература, языки, – каждый по отдельности, – алгебра, геометрия, раньше и арифметика... Ой, а с естественными науками вообще была неразбериха. Биология, география, физика, химия – чего там еще, не вспомню. Геология? Биофизика? В лучшем случае. Библиотекой была комнатка, в которой брали «учебники» – книжки по предметикам, – и «программные» книжки. Программа! – жуть. Да ты ж все знаешь, Ялька, чего это я, ты-то знаешь. Умоляю, Сержа только не води туда, в школу вашу! Пусть дома инет смотрит, ему больше поможет. Ну, учителя найми, пусть считают. А ты с ним разговаривай, записывай за ним, как наш Алекс...

С малышами – попроще: они хотят учиться. Им дашь списки того, что можно делать – набрасываются, как рыбки на еду (рыбки у нас на стенах с экранами в коридоре, и птички тоже, со звуком). К примеру – вот список, насколько я помню, а помню, ибо сама составила таких множество. Итак, большими красивыми буквами: «Мишель, дароф, то есть здравствуй, хай или шалом!

Такое предлагаем: – математика – спорт (Танец, тренажеры, борьба, легкая атлетика – смотря какие тренеры в какой день в зале, бывает, что велотренировки на улице, или лыжи зимой коней приводили в загоны, конный спорт был тоже) – обед приготовить (количество поваров ограничено!) – биб-

лиотека – лепка – лаборатория – лекторий (по списку – одна лекция из трех ежедневных) – музыка – игротека – компьютеры – живопись – архитектура, моделирование – агрономия и животноводство». Сначала мальчишки пишутся только на игротеку, компы и спорт, девочки – на танцули, кулинарию и коровок с цветочками, это понятно. Но потом распознают и прочее, вкус просыпается. Психолог может поставить условие, если видит, что паренек только в спортзале и за компами время проводит, чтобы посещал одно дополнительное занятие в день, и все – разные: например, в понедельник – математика, во вторник помог с обедом, в среду в лаборатории что-нить повзрывал... В библиотеке почитал (они и спать там любят – и пусть!) и написал что-то заодно, если прет: там и перья старинные, и ручки, и графитное всякое, и мел, фломики с тетрадами, альбомами, дощечками и досками...

Раз в неделю – языковой день: приходит чувак-носитель с переводчиком (обычно в его роли выступает один из наших лингвистов), фильмы показывает, рассказывает что-то, общается с ребятней. Книжки оставляет и фильмы с субтитрами. Если школа русская, то англичанин или там француз. Если еврейская, то на иврите, понятное дело – но и на английском тоже.

Как получится.

Так вот, о прибаббасах

«Великая идея неопределенности будущего, привязанной

к целостности», как говорил Алекс, или «системность», пронизывает всю образовательную парадигму.

Школа – это источник трудностей, а не источник знаний.

Бла-бла-бла, говорил.

Актуализация самости.

И так далее.

Мы же так мало знаем и о космосе, и так же мало – об анатомии, гораздо меньше, чем нам хочется знать! И в этом есть неопределенность человеческого состояния.

Сознания – и состояния в целом. Слоны и напалмы сначала пугали. А потом люди прониклись смыслом, и стало проще. Грусть не отменилась, но глобальных страхов у человечества больше нет. Может, экзистенциальная тоска только.. А все потому, что нынешняя life line (или ЛайЛа на иврите – ночь, но это так приятно совпало, а вообще – линия жизни) – это все еще просто линия, а мы практикуем нелинейное мышление. Для некоторых годы жизни увеличились в разы, некоторые избрали себе меньший срок; избрали, я не ошиблась, ты не поймешь, хотя, может, считаешь что-нибудь, как у вас принято говорить, эзотерическое (мы всякую эзотерику раскрыли, как ноженьки во время секса или деторождения, оттого для нас это знание не тайное, мутное, а ясное до прозрачности – прям экзотерика!)

Тишина мира у нас озвучивается искусственно, иначе можно сойти с ума.

Выйдешь из гнезда или даже берлоги, шум ветра в искус-

ственных ветвях – и больше ничего. Ты не думай, леса сохранились! Но их меньше, чем у вас – вот ведь нагуляемся здесь с Сергушей, одна радость! И люди стали селиться ближе к ним, и к водоемам, которые не высохли – в общем-то, я даже не знаю, где... У нас радио не очень информативно, и слава богу: могут среди музыки вкл ленту новостную, но больше про радости: мол, у нас на севере... у нас на юге... передают тамошние жители. О коровках там, собачках, заплывах, карусельных праздниках. Бррр, ненавижу эти тряски – но кому-то нравится!

Знаю точно, что мы близко к востоку, но еще в Европе. Пятно такое нам учитель рисовал. Я не стерла, хотя предлагалось и поправить лайлу. Нам предлагают – мы выбираем. Никто не накажет за неповиновение! Хотя вам тут может показаться, что слоны и напалм – это наказание, но должны пройти годы, чтобы к ним привыкнуть. Десятилетия. Столетия. Миллиардлетия, не знаю уж... Когда я оказалась здесь, когда первая боль прошла, я науглила много чего. Поняла, что я здесь уже была – или не я, или не здесь, но от слова «была» все, все в прошлом, и я оказалась в прошлом на лайф лайне... А может, и нет: может, это параллельный мир, просто похож! Никто не узнает. Может, Георг знает больше, но не скажет. Он такой... скрытный. Только глазами мудро светит и улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.